

И. Грабарь

История русского искусства

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.03
ББК 85
И11

И11 **И. Грабарь**
История русского искусства: Том 3 / И. Грабарь – М.: Книга по Требованию, 2014. – 592 с.

ISBN 978-5-458-31776-4

ISBN 978-5-458-31776-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МОСКВА и ПЕТЕРБУРГ

(Вильсто предисловія)

Издавна принятое дѣленіе русской исторіи на Русь до-Петровскую и послѣ-Петровскую, несомнѣнно, очень условно. Какимъ бы исполиномъ ни казался намъ Петръ Великій, онъ все же не произвелъ такого переворота, какой мы склонны ему обычно приписывать,—онъ вовсе не перевернулъ вверхъ дномъ всей Руси. Многое изъ того, что какъ то по привычкѣ принято считать въ числѣ «Петровыхъ дѣлъ», было либо основательно подготовлено его предшественниками, либо даже просто задолго до него введено. Даже въ области искусства и въ частности въ зодчествѣ переворотъ былъ только кажущимся. Мы видѣли уже какъ властно утвердился къ концу 17-го вѣка на Москвѣ и на Украинѣ стиль западнаго барокко. Ни одной изъ заморскихъ новинокъ не чуралась Москва. Здѣсь были къ тому времени бояре, любившіе окружать себя произведеніями европейскаго искусства и наладившіе жизнь совсѣмъ на западный вкусъ. Едва ли даже Петръ значительно ускорилъ естественное движеніе, вылившееся въ концѣ концовъ въ то, что принято называть Петровскими реформами. Только принудительность, съ которой проводились реформы, явилась новинкой, притомъ новинкой, быть можетъ, больше мѣшавшей, чѣмъ помогавшей дѣлу, ибо она лишала его симпатій широкихъ массъ. И все же одно изъ дѣлъ Петра сыграло въ исторіи зодчества рѣшающую роль и опредѣлило все дальнѣйшее его направленіе, это — основаніе Петербурга и перенесеніе сюда столицы. Отнынѣ всей послѣдующей архитектурѣ роковымъ образомъ суждено было направиться по двумъ параллельнымъ русламъ,—московскому и петербургскому.

Приступая къ изложенію новѣйшей архитектуры на основѣ этого дѣленія, мы меньше всего хотѣли бы, чтобы оно было понято, какъ случайное и условное, какъ всего только удобный способъ группировки матеріала, или просто приличный поводъ создать нѣкоторое подобіе системы—пусть даже довольно наивной и упрощенной—тамъ, гдѣ все сплетено изъ случайнаго и сумбурнаго набора заимствованныхъ съ

запада формъ. Очень вѣскія причины побудили насъ въ дальнѣйшемъ держаться этого разграниченія зодчества петербургскаго и московскаго.

Уже одно различіе топографическихъ условій привело къ тому, что архитектура Москвы совершенно иная, нежели въ Петербургѣ. Съ одной стороны старый городъ, живописно раскинувшійся «на семи холмахъ», съ патриархальными нравами, съ упрямымъ тяготѣніемъ къ старинѣ, съ населеніемъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ вырабатывавшимъ свои архитектурные вкусы и пріемы и вылившимъ ихъ въ сложную и законченную систему, съ другой стороны—вновь воздвигнутый на равномъ мѣстѣ, «на болотѣ», гигантскій городъ, съ правильно распланированными прямыми улицами, вначалѣ застроенный кое какъ, наспѣхъ, потомъ весь вѣкъ чинившійся, съ выроставшими по щучьему велѣнію на мѣстѣ разнообразныхъ мазанокъ затѣйливыми дворцами, какихъ не много въ Европѣ,—все это неминуемо должно было привести къ тому, что послѣдующее движеніе архитектуры раздвоилось.

Мы знаемъ уже, какіе отличные зодчіе, какіе знающіе русскіе мастера имѣлись къ концу 17-го вѣка въ Москвѣ. Однако, Петръ никого изъ нихъ не взялъ для стройки новой столицы, не желая имѣть въ ней ничего московскаго и безпрестанно выписывая изъ за границы все новыхъ и новыхъ строителей. Московскіе мастера продолжали между тѣмъ строить на Москвѣ въ тѣхъ же формахъ барокко, въ которыхъ строили и иностранцы въ Петербургѣ, но съ замѣтнымъ уклоненіемъ въ сторону какого то специфическаго провинціализма, роднящаго эти постройки съ исконнымъ московскимъ зодчествомъ. По сравненію съ тогдашнимъ петербургскимъ строительствомъ это такая же типичная «московщина», какъ типичны для Петербурга «голландщина», «нѣмечина» или «италианщина». Когда въ 1714 г. Петръ издалъ знаменитый указъ о воспрещеніи строить какія бы то ни было каменные зданія по всей Россіи, кромѣ Петербурга, — въ Москвѣ замерло временно всякое строительство. При преемникахъ Петра оно возобновилось съ удвоенной энергіей. Въ 1730—1740-хъ годахъ здѣсь строится такое множество зданій для нуждъ двора и государства, что явилась надобность въ открытіи архитектурной школы, превращенной позже въ «дворцовое архитектурное училище». Существованіе постоянной архитектурной школы на протяженіи цѣлаго столѣтія и причастность къ ней въ качествѣ руководителей нѣсколькихъ культурнѣйшихъ и даровитѣйшихъ русскихъ зодчихъ, послѣдовательно смѣнявшихъ одинъ другого, привели къ тому, что московская архитектура пріобрѣла очень своеобразный отпечатокъ, замѣтно отличающій ее отъ одновременной петербургской.

Въ Петербургѣ архитектурная школа существовала еще при жизни Петра, при Канцеляріи Строеній, но ей не было суждено стать разсадникомъ русскихъ зодчихъ и ея функціи ограничивались обученіемъ черченію и начаткамъ «архитек-

туріи». Казалось бы, что съ основаніемъ Академіи Художествъ роль Московской школы должна была въ Петербургѣ перейти къ ней. Однако, это не совѣмъ такъ. Какъ разъ крупнѣйшія архитектурныя силы, давшія Петербургу его стильную фізіономію, либо не имѣли никакого отношенія къ академіи, либо очень поверхностно и внѣшне были связаны съ нею. Лучшіе Екатерининскіе зодчіе были такъ поглощены гигантскими строительными предпріятіями императрицы, что не могли удѣлять должнаго вниманія академіи. Послѣдняя не была поэтому для Петербурга тѣмъ центромъ, какимъ для Москвы являлась ея школа. Отсюда значительно большее разнообразіе архитектурныхъ пріемовъ и мыслей въ Петербургѣ и сравнительное однообразіе «живописныхъ домиковъ» Москвы. Въ Петербургѣ не было той «архитектурной семьи», которой сильна, но въ то же время и слаба была Москва. Въ Петербургѣ,—по крайней мѣрѣ въ Екатерининскую эпоху,—каждый работалъ за свой страхъ, отвѣчая за свой вкусъ и сохраняя въ полной мѣрѣ индивидуальность; въ Москвѣ, напротивъ того, каждый неизмѣнно получалъ привкусъ Московской школы, какъ бы наслѣдовалъ нѣкоторыя семейныя черты «московскаго пошиба». Оттого въ Петербургѣ легче опредѣлить авторовъ различныхъ зданій по ихъ типическимъ признакамъ, по общимъ пріемамъ, по декоративнымъ деталямъ, какому нибудь карнизу, сандрику или наличнику. Не то въ Москвѣ, гдѣ въ ту или другую эпоху господствовалъ одинъ, совершенно опредѣленный и для всѣхъ обязательный архитектурный типъ, являвшійся лишь отчасти отголоскомъ общеевропейскаго стиля, въ значительной же степени обязанный своимъ происхожденіемъ личнымъ вкусамъ самаго большого московскаго зодчаго даннаго момента. Въ противоположность Петербургу, въ Москвѣ сплошь и рядомъ, въ случаяхъ, когда авторъ зданія неизвѣстенъ, приходится приписывать авторство школѣ какого либо изъ мастеровъ, его ученику или послѣдователю. Петербургскій архитекторъ, отвѣчая за себя самъ, отдѣлывалъ и оттачивалъ свое произведеніе до послѣдней возможности, — оттого онъ всегда строже и логичнѣе, если нерѣдко и впадаетъ въ излишнюю сухость и академичность. Средній москвичъ все время работалъ подъ прикрытіемъ «школы», подъ гипнозомъ всесильнаго авторитета, и меньше всего его одолѣвали какія либо сомнѣнія и терзанія. Отсюда легкость и эластичность его творчества, такъ предательски часто переходящія въ разгильдяйство, въ нелогичность, временами въ прямой сумбуръ. Зато едва ли гдѣ либо разсыпано въ архитектурѣ столько чисто живописныхъ красотъ, столько восхитительныхъ кусковъ и столько сочныхъ деталей, сколько видишь ихъ въ счастливо уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней уголкахъ Москвы. Если въ Петербургѣ больше индивидуальнаго творчества, но и больше творчества вразбродъ, то архитектурная фізіономія Москвы говоритъ ясно о коллективномъ характерѣ строительства и, въ концѣ концовъ, ея обликъ острѣе и

самобытѣе. Кромѣ того, самая правильность планировки Петербурга, прямолинейность его улицъ, линій и каналовъ должна была отразиться на извѣстной прямолинейности его архитектуры, тогда какъ холмистость Москвы давала просторъ живописному разгулу. Первый самой природой обреченъ былъ на нѣкоторую серьезность, сдержанность, чопорность. Москва же родилась уже разнузданной и «на распашку».

Такимъ образомъ, архитектура обоихъ городовъ шла двумя дорогами, имѣя общимъ только то приблизительное направленіе, которое обуславливалось стилистическими стремленіями эпохи. Одинъ вопросъ напрашивается самъ собою: если необходимо такое расчлененіе въ архитектурѣ, то въ такомъ случаѣ почему же возможно изложеніе русской скульптуры безъ разбивки всего матеріала на двѣ группы? Почему же не слышно ничего о московской живописи, или о живописи специфически петербургской? На это надо замѣтить, что между архитектурой съ одной стороны, и скульптурой, живописью, а въ равной степени и литературой и музыкой съ другой—лежитъ цѣлая пропасть. Тогда какъ всѣ остальные искусства вовсе не связаны съ мѣстомъ, не прикованы къ нему и какую нибудь статую или картину не трудно перевезти изъ одного города въ другой, монументальное зданіе срослось съ землею и его не перевезешь. Поэтому для скульптора или живописца часто безразлично, работаетъ ли онъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, между тѣмъ какъ архитекторъ, имѣя дѣло все время съ почвой, самъ къ ней прикрѣпляется. Недаромъ онъ самый осѣдлый изъ художниковъ. Можно легко представить себѣ странствующаго поэта, безпрестанно передвигающагося съ мѣста на мѣсто живописца, но нельзя вообразить странствующаго зодчаго.

Однако, если такъ велика разница между архитектурой этихъ двухъ городовъ, то при чемъ тутъ вся остальная Русь, и какое отношеніе имѣетъ это различіе къ творчеству мѣстныхъ архитектурныхъ силъ обширнѣйшей страны? Но въ томъ то и дѣло, что вся Россія въ архитектурномъ отношеніи есть именно либо Петербургъ, либо Москва. Все, что строилось на Руси въ 18-мъ вѣкѣ и на протяженіи почти всего 19-го, строилось либо петербургскими, либо московскими архитекторами. Исключеніе составляютъ только окраины, которыя вообще къ исторіи русскаго искусства отношенія не имѣютъ, — Польша, Финляндія, Балтійскій край, Кавказъ, да еще нѣсколько отдѣльных городовъ, случайно находившихся въ совершенно особенныхъ условіяхъ. Архитектура всей остальной Россіи неизмѣнно разбивается на два основныхъ типа,—на петербургскій и московскій.

Всѣ изложенныя причины привели насъ къ убѣжденію, что систематическое изложеніе дальнѣйшей эволюціи русскаго зодчества невозможно безъ предварительнаго расчлененія вопроса.

Барокко Петровской эпохи

I.

ПЕТРЪ И „САНКТЪ ПИТЕРЪ БУРХЪ“.

Лѣтомъ 1703 г. на небольшомъ островѣ Невы Петръ Великій, по сообщенію тогдашнихъ «Вѣдомостей», «новую и зѣло угодную крѣпость построить велѣлъ, въ ней же шесть бастіоновъ, гдѣ работали двадцать тысячъ человѣкъ подкопщиковъ и тое крѣпость на свое государское именованіе, прозваніемъ Петербургомъ обновити указалъ»¹. Одновременно съ закладкой крѣпости была торжественно заложена и деревянная Петропавловская церковь². Иностранцы, видѣвшіе Петербургъ всего лишь 8—9 лѣтъ спустя послѣ его основанія, уже описываютъ въ немъ много «достопримѣчательностей», въ 1718 г. рассказываютъ о его пышныхъ городскихъ и загородныхъ дворцахъ и о красивыхъ садахъ, а въ годъ кончины Петра готовы признать его новую столицу одной изъ прекраснѣйшихъ въ Европѣ. Если даже откинуть тѣ преувеличенія, которыя приходятся на долю обычного пафоса тогдашнихъ описаній «резиденцій монарховъ», и если представить себѣ Петербургъ только такимъ, какимъ онъ рисуется намъ на основаніи неопровержимыхъ документовъ, то и тогда придется признать, что заѣзжіе иностранцы имѣли достаточно оснований изумляться и разводить руками, глядя на этотъ сказочный ростъ только что основаннаго города. Нужна была исполинская воля и нечеловѣческая энергія для того, чтобы поднять его съ такой быстротой изъ болота, поднять, къ тому же, среди непрерывныхъ войнъ и жестокихъ испытаній.

¹ «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ Государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ». Номеръ отъ 4 октябрю 1703 г. ² Закладку крѣпости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніе Петербурга П. Н. Петровъ относитъ не къ Троицыну дню, т. е. не къ 16 мая, какъ это принималось до него всѣми изслѣдователями, а къ Петрову дню, дню ангела Петра I, къ 29 іюня. И дѣйствительно, 16 мая закладка не могла происходить уже по тому одному, что, по «Преображенскому походному журналу» 1703 г., Петръ былъ въ этотъ день «на Сяскомъ устьѣ», откуда 17-го прибылъ «на Лодейную пристань». Не довѣрять Преображенскому журналу нѣтъ никакихъ основаній. Гораздо правдоподобнѣе доводы Петрова въ пользу 29 іюня. (П. Н. Петровъ. «Исторія С. Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ 1703—1782 г.». Спб. 1885, стр. 37—38).

Какова была доля личного участія Петра въ созданіи архитектурнаго облика современнаго ему Петербурга, какого держался онъ плана и какими руководился вкусами?

Первые годы послѣ основанія Петербурга Петръ провелъ почти сплошь въ военныхъ походахъ, наѣзжая сюда лишь изрѣдка и не засиживаясь подолгу. Личное участіе его въ застройкѣ новаго города ограничивалось развѣ только второстепенными распоряженіями во время неожиданныхъ наѣздовъ, когда онъ наскоро успѣвалъ облюбовать какое нибудь новое мѣстечко на Невѣ для будущихъ строеній, ухитрялся на ходу тутъ же заложить одно изъ нихъ—всегда при торжественной обстановкѣ,—да ужъ кстати, на скорую руку, справлялъ пиръ по поводу только что приключившейся побѣды, конечно, съ обильными возліяніями и «при троекратномъ съ города и кораблей стрѣлянѣ изъ пушекъ», послѣ чего на другой же день скакалъ снова въ Польшу или Воронежъ, или Азовъ.

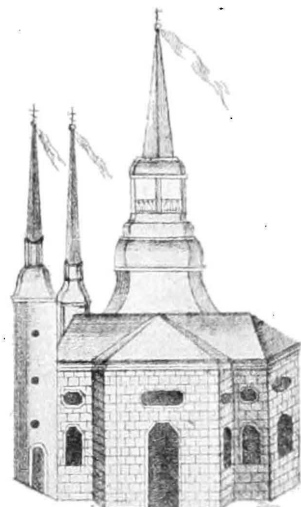
Не только самъ Петръ, но и его любимецъ Меншиковъ, его «Герценсъ Киндъ Саша», которому впослѣдствіи въ качествѣ Петербургскаго генералъ губернатора пришлось быть главнымъ распорядителемъ по застройкѣ города, принималъ мало участія въ Петербургскихъ дѣлахъ до 1710 г. Только послѣ удачи подъ Полтавой и особенно послѣ неудачи на Прутѣ, начиная съ 1711 г., когда съ плечъ Петра свалилась противъ его воли Азовская обуза, онъ могъ уже всецѣло отдаться своему любимѣйшему дѣтищу «Санктъ Питеръ Бурху», какъ произносилъ онъ названіе города на голландскій ладъ и какъ писали въ тогдашнихъ официальныхъ бумагахъ. Уже въ 1706 г., когда Карлъ, по мѣткому слову Петра, «увязъ въ Польшѣ», для него началось въ его «парадисѣ райское житіе», и въ это время было предпринято довольно много для застройки города, а съ 1711 г. идетъ непрерывная, лихорадочная работа, не прекращающаяся до самой кончины императора. Необходимо оговориться, что въ строгомъ смыслѣ, планомѣрной эта работа не стала и теперь, послѣ потери Азова, ибо по прежнему тщетно мы будемъ искать въ строительныхъ предпріятіяхъ Петра какого либо строго обдуманнаго, заранѣе выработаннаго плана. «Во всякомъ дѣлѣ ему легче давались подробности работы, чѣмъ общій планъ», говоритъ Ключевскій ¹. Поэтому почти все, что строилъ Петръ, онъ тотчасъ же начиналъ перестраивать и перекраивать. Нерѣдко постройка останавливалась послѣ того, какъ выведены были фундаменты и затѣмъ продолжалась уже по другому плану. Сплошь и рядомъ какое нибудь зданіе начиналъ одинъ архитекторъ, продолжалъ другой, кончалъ третій, а подъ конецъ снова передѣлывалъ четвертый. Отъ этого получалась невѣроятная смѣсь архитектурныхъ и декоративныхъ приемовъ, выливавшаяся временами въ настоящій винегретъ.

¹ «Курсъ русской исторіи». М. 1910, ч. IV, стр. 57.

Только нѣсколько основныхъ строительныхъ идей—и то самого общаго характера—сидѣли, повидимому, неотступно въ головѣ Петра. Прежде всего, его новый городъ долженъ былъ какъ можно меньше походить на русскій. Никогда еще завѣтъ, унаслѣдованный царемъ отъ предшественниковъ—«все дѣлать съ примѣру стороннихъ чужихъ земель» не былъ имъ проводимъ до такой степени буквально, какъ въ обстройкѣ Петербурга. Съѣздивши въ Голландію, Петръ понялъ, что Невскій климатъ ближе всего подходитъ какъ разъ къ голландскому,—тѣ же низкія мѣста, такъ же много воды и болотъ. На это сходство онъ не разъ указывалъ своимъ зодчимъ. Къ тому же еще до основанія Петербурга онъ имѣлъ возможность пріобрѣсти нѣкоторый опытъ въ строительствѣ, весьма близкомъ по своему характеру къ петербургскому,—именно въ застройкѣ Азова. Низменность береговъ Дона и тамъ уже требовала укрѣпленія грунта свайною бойкой, и тамъ возводились крѣпостныя сооруженія и предпринимались сложныя гидравлическія работы, какихъ до того не знали еще въ Россіи ¹. Что касается чисто архитектурной фізіономіи его будущаго «европейскаго» города, то она рисовалась Петру, вѣроятно, довольно смутно. Страстный любитель воды, онъ несомнѣнно хотѣлъ, чтобы это былъ городъ каналовъ, такой какъ Амстердамъ, который онъ видѣлъ, или какъ Венеція, о которой столько слышалъ и которой увидеть такъ и не довелось. Издали такой городъ долженъ былъ ему представляться въ видѣ огромнаго скопленія кирпичныхъ, тѣсно прижавшихся одинъ къ другому домовъ, съ высокими черепичными крышами и со множествомъ разбросанныхъ по разнымъ концамъ башенъ со шпицами. Подобный городъ мечталъ онъ завести и у себя, и кромѣ самыхъ общихъ пожеланій въ такомъ приблизительно направленіи, едва ли у него были еще вначалѣ какіе либо болѣе опредѣленные строительные планы.

Первыя Петербургскія постройки были исключительно деревянные. Лѣсъ имѣлся подъ рукой, а собранные сюда со всей Россіи плотники лучше всякихъ иноземцевъ умѣли рубить деревянные зданія. Къ тому же работа шла споро и каждый

¹ На Азовъ, какъ школу, въ которой Петръ подготовился къ постройкѣ Петербурга, указалъ впервые Петровъ въ циклѣ своихъ статей «Петербургъ въ застройкѣ и сооруженіяхъ», помѣщенныхъ въ журналѣ «Зодчій» за 1878 г.

Первоначальная Петропавловская церковь.

Первоначальная Петропавловская церковь.
1703—1704 г. (Изъ книги Богданова-Рубана).

разъ, когда сюда неожиданно нежданно набѣжалъ Петръ, ему весело было глядѣть на быстро растущій городъ. Досадно ему было только то, что городъ росъ деревяннымъ, а не каменнымъ. Чтобы эти деревянные постройки не слишкомъ напоминали Москву, на болѣе значительныхъ изъ нихъ водружали замысловатой формы башенки со шпицами. Чтобы еще больше помочь горю, на первыхъ порахъ не останавливались передъ самыми наивными средствами: деревянные зданія попросту расписывали подъ камень и кирпичъ¹. Такъ было съ первыми же «знатнѣйшими» строеніями,—не съ простыми избами, конечно,—съ Петропавловской церковью и царскимъ домомъ. Одновременно съ возведеніемъ земляныхъ укрѣпленій,—«земляной фортификаціи», какъ значитъ въ современныхъ бумагахъ,—приступили къ рубкѣ тутъ же, въ центрѣ островка, небольшой церкви во имя апостоловъ Петра и Павла, недалеко отъ того мѣста, гдѣ и теперь стоитъ Петропавловскій соборъ².

¹ Такая раздѣлка подъ кирпичъ продолжалась очень долго и не только не отмѣняется въ позднѣйшихъ строительныхъ указахъ Петра, но даже прямо рекомендуется въ тѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь не могъ выстроить каменнаго дома. Указъ 4 ноября 1714 г. разрѣшаетъ строить въ извѣстныхъ мѣстахъ и деревянные дома, но съ тѣмъ, чтобы ихъ обивать тесомъ и «росписывать въ кирпичъ». («Указы Петра Великаго», изданные Академіей Наукъ въ 1739 г., стр. 22). ² Освященіе ея состоялось, по Петрову, уже въ Вербное воскресенье слѣдующаго 1704 г. въ присутствіи царя, прибывшаго сюда на шестой недѣлѣ. («Исторія С. Петербурга», стр. 43). Всѣ дальнѣйшія данныя о Петровской эпохѣ, особенно даты,—точные годы и мѣсяцы закладки или окончанія различныхъ построекъ, перѣдко очень важные для выясненія эволюціи тогдашней архитектуры, установлены нами послѣ всестороннихъ проверокъ и сравненій разнообразнѣйшихъ и часто противорѣчивыхъ источниковъ, имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи. Источники эти можно разбить на три группы. Первую изъ нихъ составляютъ старинныя описанія Петербурга и записки современниковъ Петра, при чемъ прежде всего сюда должны быть отнесены наиболѣе раннія пѣмедкія описанія, вышедшія отдѣльными книжками въ 1713 и 1718 г., затѣмъ воспоминанія Петра Брюса (1710—1723 г.), записки поляка, бывшаго въ Петербургѣ въ 1720 г., «Дневникъ Берхгольца», веденный имъ здѣсь съ 1721 по 1726 годъ и «Описаніе Санктпетербурга отъ начала заведенія его съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное г. Богдановымъ», изданное въ 1779 г. В. Рубаномъ. Богдановъ былъ помощникомъ бібліотекаря при Академіи Наукъ и пользовался при составленіи своей книги архивными документами, почему въ датахъ у него не слишкомъ много ошибокъ, какъ мы имѣли случай неоднократно въ этомъ убѣждаться при сличеніи его свѣдѣній съ подлинными донесеніями и официальными бумагами, сохранившимися въ различныхъ архивахъ. Всѣ послѣдующіе авторы, Полуиницъ, Миллеръ, Георги и др. пользовались для своихъ описаній все той же Богдановской рукописью, которую издалъ и Рубанъ. Ко второй группѣ источниковъ относятся новѣйшія изслѣдованія и изысканія, посвященныя Петровской эпохѣ и исторіи Петербурга, среди которыхъ совершенно исключительное мѣсто должно быть отведено трудамъ покойнаго П. Н. Петрова, перерывшаго на своемъ вѣку такую массу архивнаго матеріала, какой не перебивало въ рукахъ добраго десятка самыхъ «документальныхъ» историковъ. Его капитальный трудъ, «Исторія С. Петербурга», былъ бы, вѣроятно, исчерпывающимъ источникомъ и для насъ, если бы полное незнакомство съ вопросами специально архитектурными, недостатокъ чисто художественнаго инстинкта и предательская страсть къ «округленіямъ» тамъ, гдѣ не доставало кое какихъ свѣдѣній для напрашивающагося эффектнаго вывода,—если бы все это не превращало богатѣйшаго запаса драгоценныхъ свѣдѣній, имѣвшихся въ этой головѣ, въ какую то сумбурную кашу, въ лавку старьевщика, въ которой чудесное такъ перемѣшано съ хламомъ, что нужны годы для извлеченія изъ подъ грудъ ненужной рухляди скрытыхъ тамъ сокровищъ. Въ концѣ концовъ онъ изрядно напуталъ, допустивъ рядъ весьма грубыхъ ошибокъ, заставляющихъ относиться къ его сообщеніямъ съ большой осторожностью. Третью, самую значительную и притомъ наиболѣе цѣнную группу источниковъ составляютъ данныя, извлеченныя нами непосредственно изъ документовъ Петровскаго времени, разбросанныхъ въ шести Петербургскихъ и Московскихъ архивахъ. Въ числѣ этихъ документовъ особенную цѣнность имѣетъ найденная нами официальная вѣдомость 1724 г. о времени сооруженія всѣхъ Петербургскихъ зданій, — «Рескриптъ строеніевъ при Санктъ Питеръ Бурхъ которыхъ лѣтъ зачаты были строить». (Общій Архивъ Мин. Имп. Двора, Дѣла Гофъ Интендантской Канторы, опись 73, 187, книга 35, листы 3—41). Этотъ документъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ свѣдѣній, сохранившихся въ «журналахъ» Петра Великаго и особенно въ «протоколахъ» Канцеляріи Строеній, использованныхъ уже въ значительной части Александромъ Бенуа и А. И. Успенскимъ въ «Художествен. Сокровищахъ Россіи» за 1903 г., устраняютъ всякія сомнѣнія въ

*Старое Адмиралтейство. (1711—1720 г.) и церковь Исаакія Далматскаго (1717—1727 г.).
Рисунокъ Христофора Марселиуса 1725 г. (Собрание Академіи Наукъ).*

Рубку начали, повидимому, совершенно такъ же, какъ рубили церкви по всей Руси,—«крещатой», т. е. крестообразной по плану. Такой, по крайней мѣрѣ, описываетъ ее Богдановъ и такой она представляется и на примитивной гравюрѣ, приложенной къ его описанію ¹. Стр. 11. Къ октябрю, когда изъ Москвы уже прибыла первая партія иностранныхъ «мастеровыхъ людей» съ архитекторомъ во главѣ, ни центральный срубъ церкви, ни колокольня не могли быть еще окончены, но Петру, случившемуся въ октябрѣ тутъ же, едва ли пришлась по вкусу эта «московская»

точности приводимыхъ въ дальнѣйшемъ изложеніи данныхъ. «Дѣла Гофъ Интендантской Канторы» и «Протоколы Канцеляріи Стросній», это въ сущности документы одного и того учрежденія 18-го вѣка, мѣнявшаго нѣсколько разъ свое официальное названіе. Петровская «Канцелярія Стросній» получила при Аниѣ Іоанновнѣ названіе «Канторы—иногда Канцеляріи—строенія ся Величества домовъ и садовъ», переименованной потомъ въ «Гофъ Интендантскую Кантору». Всѣ протоколы и журналы Канцеляріи Стросній, всего около тысячи огромныхъ томовъ, находятся въ Московскомъ Отдѣлѣ Общаго Архива Министерства Двора, значительная же часть аналогичныхъ дѣлъ той же Канцеляріи Петровской и послѣдующихъ эпохъ хранятся въ Общемъ Архивѣ Министерства въ Петербургѣ подъ названіемъ «дѣлъ Гофъ Интенд. Канторы», подъ которымъ мы ихъ въ дальнѣйшемъ и цитируемъ. ¹ Малограмотнымъ гравюркамъ въ книгѣ Богданова-Рубана нельзя, конечно, очень довѣрять.

плотничья затѣя, и онъ поспѣшилъ передать ея достройку архитектору иноземцу съ тѣмъ, чтобы послѣдній привелъ ее «въ свою вѣру». Тогда появились ея шпицы и весь ея западный обликъ. По словамъ Богданова, она «рописана была подъ каменный видъ желтымъ мраморомъ» ¹.

Другая постройка этого перваго времени по основаніи Петербурга — «домикъ Петра Великаго» представляетъ для насъ интересъ не только потому, что это единственный уцѣлѣвшій памятникъ столь ранней эпохи, но и потому, что въ немъ очень ярко отразились нѣкоторыя характерныя черты тогдашняго строительства. Правда, сохранность домика довольно относительна, такъ какъ при Екатеринѣ II онъ былъ накрытъ каменнымъ колпакомъ, при чемъ его не разъ основательно чинили, и составить себѣ о немъ представленіе мы можемъ скорѣе по старымъ описаніямъ, чѣмъ по его нынѣшнему виду. Онъ срубленъ совершенно такъ же, какъ изстари рубятся избы, и состоитъ изъ двухъ «свѣтелокъ», раздѣленныхъ «сѣнцами». Снаружи стѣны были «разписаны по кирпичному образцу и внутри обиты холстомъ» ².

Такая роспись подъ кирпичъ давала ему уже нерусскій видъ, но очевидно и этого казалось еще недостаточнымъ и его кровлю украсили деревянной раскрашенной мортирой, водруженной на серединѣ конька, а по концамъ послѣдняго насадили по деревянной же бомбѣ «съ горящимъ пламенемъ» ³. Трудно допустить, чтобы такое странное, меньше всего архитектурное убранство могъ предложить кто нибудь изъ новоприбывшихъ мастеровъ, и думается, что это сочинилъ самъ Петръ,

¹ Тамъ же. Богдановъ говоритъ, что она была о трехъ шпицахъ, какъ это видно на приложенномъ къ описанію рисунокѣ, между тѣмъ авторъ перваго описанія Петербурга, Н. Г., сообщаетъ, что въ его время, т. е. въ 1710—1711 г., въ крѣпости стояла «маленькая, но изящная деревянная русская церковь съ изящной острокопечной башней на голландскій манеръ». («Exacte Relation», стр. 7). Возможно, конечно, что онъ имѣлъ въ виду только главную среднюю башню-колокольню и умолчалъ о двухъ другихъ. Петровъ говоритъ, что эта «церковь была съ высокимъ шпидемъ надъ колокольней и съ маленькимъ lanternникомъ надъ алтарною пристройкою. Шпидъ четырехгранный, въ углахъ ската до половины высоты имѣвшій выемки». («Зодчій» 1878 г., № 12, стр. 124). Форма этого шпида Петровымъ, видимо, просто «списана» съ Богдановско-Рубановскаго рисунка. Вотъ полное заглавіе этого перваго описанія: «Exacte Relation von der von Sr. Czarischen Majestät Petro Alexiowitz (cum tot tit) an dem grossen Newa Strohm und der Ost-See neu erbaueten Vestung und Stadt St. Petersburg wie auch von dem Castel Cron Schloss und derselben umliegenden Gegend, ferner Relation von den Umrissen Russischen Gebrauch der Wasser Weyh und Heiligung, nebst einigen besondern Anmerkungen aufgezeichnet von H. G. Leipzig Verlegt Nicolaus Förster anno 1713». Небольшая книжка in 16, имѣющая 112 страницъ, не считая титула, четырехъ страницъ предисловія и двухъ страницъ оглавленія. Петровъ полагалъ, что подъ этими буквами скрытъ свое имя извѣстный агентъ Петра за границей, паставникъ царевича Алексѣя Петровича, баронъ Генрихъ фонъ Гюйсенъ. Однако, въ имѣющемся у насъ экземплярѣ (со штемпелемъ герцогской Мейнингенской библіотеки) это буквы Н. Г., тогда какъ Гюйсенъ писалъ свое имя Heinrich von Hyissen (см. «Зодчій» 1882 г., № 4, стр. 30). Мало убѣдительно представляются и другіе доводы Петрова въ пользу этого предположенія. («Исторія С. Петербурга», стр. 2). Въ 1860 г. Публичная библіотека издала эту книжку въ русскомъ переводѣ А. Ф. Бычкова подъ названіемъ «Описаніе С. Петербурга и Кроншлота въ 1710 и 1711 годахъ». Помѣщая здѣсь рисунокъ Петропавловской церкви изъ книги Рубана, мы должны оговориться, что считаемъ его довольно фантастичнымъ, несмотря на то, что въ рукахъ Богданова, а можетъ быть, и Рубана, дававшихъ матеріалъ граверамъ Челнокову, Рудакову и Кирсанову для изготовленія иллюстрацій къ книгѣ, должны были находиться какіе то старые чертежи, быть можетъ, даже оригиналы, по которымъ возводились Петровскія постройки. Къ сожалѣнію, граверы по неумѣлости ли, или просто изъ желанія прикрасить то, что имъ казалось скучнымъ, — исказили все это до неузнаваемости. ² Богдановъ-Рубанъ, стр. 53. ³ Тамъ же.